

ЧЕЛОВЕК И ВЫСШЕЕ ПЕРВОНАЧАЛО: СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАРЕЛИГИОЗНЫЕ ТРЕНДЫ

*Е. В. Золотухина-Аболина
(Ростов-на-Дону, Россия)*

Начавшийся в конце XIX в. процесс секуляризации, как мы знаем, пошел весьма скоро, подгоняемый развитием рыночного общества, стремительным прогрессом науки и техники. И хотя сегодня высокая наука, желающая открыть все тайны Вселенной, уже не настолько в чести, как была при своем восхождении, а «пытливый разум» по большей части впряжен в изобретение новых гаджетов и стоит на службе извлечения прибыли, Бог, умерший в сердцах представителей зарождающегося массового общества, так и не вернулся из небытия, куда его первоначально отправили философы. Быть может, он еще воскреснет, восстановит вновь, но пока современное «европейское человечество» (Э. Гуссерль) отвечает в социологических опросах примерно следующее: «...не верим ни в Бога, ни в черта». Видимо, в наши дни впервые в истории культуры люди массово остались без традиционного институционального «небесного покровительства» просто в силу того, что оказались с детства воспитаны в чисто эмпирической, повседневной, безрелигиозной среде, где Бог является излишней гипотезой. Церкви существуют, но они отнюдь не доминируют.

Однако не все так просто. Обратим внимание на то, что для массы населения «умер», прежде всего, традиционный христианский Бог. Ушел из актуального сознания именно суровый и требовательный небесный Отец — Сверхличность, творящая чудеса по своей воле креатора. С ним отделился и Христос — трансцендентное Ты, предполагающее молитву и жертву. Вероятно, это связано помимо науки, техники и сциентистского просвещения также с общей демократизацией социума, со снижением роли любой властной «вертикали», с активистским пафосом «сделай себя сам», распространившимся по всей планете. И все же сама потребность в трансцендентном, так хорошо описанная критиками христианства, в частности, Людвигом Фейербахом, никуда не делась. Люди по-прежнему хотят для себя экстраординарной помощи в бедах, скорейшей реализации своих желаний и чаяний, они стремятся избавиться от бедности и болезней, мечтают о бессмертии. Только их представление о высшем и невидимом, способном помочь им стать счастливыми, резко изменилось. И здесь первую скрипку уже с начала XX в. начинает играть не трансцендентный Творец со всеми своими ипостасями, а безличное доброе Первоначало, характерное для оккультных движений, начало, которое не требует молитв и пожертвований, никогда не гневающееся и преисполненное благодати и любви.

Можно сказать, что на сегодняшний день в сознании людей, жаждущих некоей «внеповседневной» помощи, благодаря широкой популяризации

мистико-окультистских идей, подаваемых в т. ч. в самой примитивной форме, возобладал *имманентизм*. Внехристианский «окультистско-популярный» Бог добр, он не отделен от человека непроницаемой завесой своего поистине чудесного творческого величия, он есть *сам мир*, лучшая основополагающая часть мира, тайный источник в самом человеке. И потому он не выступает как священное Ты, и с ним нет нужды вступать в сложные диалогические отношения. Ищущему лучшей доли хватит собственной (читай: ее же — божественной) монологичности, он не просит, а утверждает.

О протестантских корнях такого превращения можно подробно прочитать в книге В. В. Селивановского¹, которая включает также сравнение традиционных и имманентистских представлений о Боге, однако наличная тенденция к обезличиванию Бога и его имманентному пониманию была критически описана уже в первые десятилетия XX в. в книге С. Н. Булгакова «Свет невечерний».

В современных условиях отказ от традиционного христианского представления о Первоначале привел к формированию ряда устойчивых тенденций в духовной жизни, которые можно назвать «парарелигиозными», поскольку они не подходят под обычное определение религии, в силу того, что не предполагают личных форм выражения божества и не связаны с отправлением культа. Тем не менее все они реально обеспечивают удовлетворение потребности людей в предполагаемой «помощи свыше», не прибегая к содействию со стороны личного надмирного Бога. Не претендуя на полный охват парарелигиозных трендов, можно тем не менее назвать хотя бы три направления, широко представленных в современной массовой культуре и распространяемых с помощью книготорговли, Интернета, телевидения и видеопродукции. Все они связаны с различными видами духовных практик, но для массового сознания еще больше, чем практики, важны взгляды и ценности, которые эти течения утверждают.

Это, во-первых, мистическая линия, связанная с духовными практиками, почерпнутыми по большей части из индо-буддийской традиции; во-вторых, медиумические и спиритические практики, включая опыт технических транскомуникаций, и, в-третьих, магико-психотерапевтические практики, призванные обеспечить успех и благосостояние практикующих. Исторически эти виды парарелигиозного опыта отчасти связаны с движением Нью Эйдж, однако не сводятся к нему, впитывая в себя различные традиции, идущие из глубины времен.

Рассмотрим коротко отмеченные направления, исходя из позиции «вольного философа», открытого для суждений, — не верующего, но и не атеиста, из позиции человека, которого волнует, прежде всего, мировоззренчески-регулятивный потенциал наличных парарелигиозных трен-

¹ Селивановский, В. В. Позитивное мышление. Симпатическая магия и христианство. — СПб., 2010.

дов, а проще — то, помогают ли указанные духовные практики людям жить и соблюдать правила человеческого общежития, насколько они могут быть оценены как гуманные и гуманистические². Материалом для нашего рассмотрения будут в первую очередь работы американских авторов, широко изданные на русском языке.

1. Мистический идеал и его ценности. Мистический идеал, опирающийся на идеи и практики буддизма и европейской мистики, полагает абсолютное первоначало сердцем всего существующего, в т. ч. подлинной сущностью человека. Сегодня он представлен в работах А. Уотса, К. Уилбера, С. Грофа, Д. Хокинса и др. В целом этот идеал характерен для трансперсонального движения, где мир рассматривается как загадочная «игра Бога», а человек — как тот же Бог, только забывший о том, что он играет сам с собой. В этом случае главное — вспомнить, кто ты на самом деле, а для этого надо снять с себя шоры пространственно-временных ограничений, груз привязанностей, иллюзию субъект-объектного разделения. Думается, очень мало кто способен реально следовать по пути «ищущего», нарисованного авторами-трансперсоналистами и эзотериками, поскольку это путь упорных медитаций и существенного самоограничения, однако само увлечение мистической устремленностью подводит человека к принятию ряда ориентиров:

- *мир — это иллюзия, соответственно другие люди — это тоже иллюзия;*
- *безличное «я» — это непосредственно Бог, во всяком случае, я — прямое выражение Первоначала, в то же самое время обычное эмпирическое «эго» со всеми его стремлениями и привязанностями — это вредная иллюзия, и его надо истребить;*
- *главный идеал — устранение «двойственности», растворение в безличном, т. к. это растворение и есть подлинное вечное и несомненное блаженство, представляющее собой покой и неподвижность.*

Первоначало при этом может быть названо Пустотой или Присутствием, это, собственно, не столь уж важно, главное, что оно не содержит отдельных «я».

Человек, погруженный в покой и неподвижность, перестает быть мотивированным к действиям. «Мотивация как основа действия, — пишет Дэвид Хокинс, — исчезает. Явления жизни теперь принадлежат к другому измерению и наблюдаются так, словно ты находишься в другой реальности. Все происходит

² Автор отдает себе отчет в многозначности терминов «гуманизм» и «гуманность», но, не вдаваясь в идейные дискуссии, мы отметим, что речь идет о человеколюбии в Кантовском смысле, как о бескорыстном благоволении к любому человеку без различия чинов и званий, о человеколюбии, которое проявляется и в добром отношении, и в добрых делах.

само по себе, в состоянии внутреннего покоя и тишины, вызываемом любовью, которая выражается как Вселенная и все в ней <...> Покой Бога настолько совершенен и полон, что не остается ничего, что можно было бы желать и к чему стремиться»³. Хокинс также отмечает, что очень трудно обращать внимание на других людей, человеческая речь становится слишком подробной и раздражающей. Блаженство от созерцания любой вещи поглощает ищущего. Стоит заметить, что об аналогичном «поглощающем блаженстве» писал в свое время О. Хаксли, когда он экспериментировал с мескалином. Впрочем, Хаксли замечал, что такая пассивность и созерцательность не совместима с практическим действием и, противопоставляя наркотическому трансу подлинную духовность, ссылаясь на Мейстера Экхарта, который писал, что «святой спустится с седьмого неба, чтобы принести кружку воды больному брату».

Совершенно очевидно, что мистический идеал растворения при всей гуманистической риторике пишущих о нем авторов весьма далек от реальной гуманности, сочувствия, доброты и помощи близким и дальним. Собственно, если все иллюзия, то помогать некому и незачем.

2. Спиритические и медиумические воззрения. Если большинство мистических авторов ставят вопрос об уничтожении земной личности и прямом соотношении «чувства я» с Первоначалом, то представители всех видов медиумизма не отказываются от «я», напротив, они постулируют бессмертие конкретной личности и продолжение жизни за гробом всех ранее умерших. Это обещает встречу с ушедшими близкими и дает, в целом, позитивный эмоциональный настрой, указывая на бесконечность перспектив для индивидуальной персоны. Кроме того, предметом интереса и описания «спиритов» оказываются «промежуточные миры», еще более реальные, чем наш эмпирический мир: та «великая цепь бытия», о которой в свое время была написана книга Артура Лавджоя.

Постановка вопроса в спиритизме и медиумизме как популярных парарелигиозных трендах гораздо более близка к обыденной жизни и обыденному сознанию, к тому же она восполняет тот существенный пробел, который есть в христианстве — отсутствие разговора о том, где же обретается душа до Страшного суда и что представляет собой рай. Медиумизм и спиритизм (в т. ч. направление технических транскоммуникаций) путем диалога с «развоплощенными душами» подробно описывает разные уровни «тонких планов», прежде всего ближайших к нашему эмпирическому миру. Мы можем найти это как у более ранних европейских авторов, (А. Кардек, А. Безант), так и у авторов США и Европы второй половины XX в. и начала нынешнего столетия (А. Форд⁴, В. Заммит⁵ и др.).

³ Хокинс, Д. Глаз «Я», от которого ничего не скрыто о природе сознания. — СПб., 2010. — С. 32–33.

⁴ Форд, А. Человек не может умереть. — М., 2007.

⁵ Заммит, В. Адвокат тонкого мира. — СПб., 2007.

Образ Бога как такового в спиритической и медиумической литературе практически не присутствует. Трактовки его колеблются и оказываются невинными, не уточняются, как именно он создает мир — творит его или эманурует, или, возможно, и то, и другое. Поскольку «до Бога высоко», спиритизм и медиумизм концентрирует внимание на духовной иерархии, выстраивающейся между Богом и людьми, на судьбах индивидуальной души за гробом и на вопросе о карме — законе причинности, ведущем нас через актуальную эмпирическую жизнь. В силу того, что карма рассматривается как следствие чувств, мыслей и деяний, медиумическая линия имеет в целом психолого-моралистический характер (по типу: будешь добр — будешь жить хорошо). Тема непривязанности присутствует, но значительно смягчена по сравнению с собственно-мистической направленностью. Медиумическая линия призывает к гуманному поведению и положительным эмоциям, к терпимости и благорасположенности, хотя отвергает страстную привязанность и «завязтость» в любом земном деле. Медиумические поиски, особенно с привлечением современных технических средств, заставляют немалое число людей практически включаться в возможные контакты с «развоплощенными братьями», что, с одной стороны, может быть способом смягчения тоски по ушедшим, но с другой — при превышении меры становится опасным для психологического равновесия.

3. Магико-практическое парарелигиозное направление. Это направление представлено множеством практико-психологических и одновременно магических методик, которые призваны помочь человеку в его текущей эмпирической жизни. Таковы аффирмации Луизы Хей, творческая визуализация Шакти Гавэйн, метод Хосе Сильва и др. Весьма ярким примером такой «психо-магии психомагии» выступает учение Абрахама Эстера и Джерри Хиксов. «Коллективная сущность» Абрахам дает в этом учении советы по поводу того, как добиваться и получать желаемое. Высшее первоначально представлено для читателя как Благо, которое может быть получено личным душевным усилием. Оно не равно человеку, но близко и созвучно ему. Оно льется полным потоком, бесконечным, изобильным, и всегда может быть воспринято человеком — бессмертным духом, если он того действительно хочет. В мире всего на всех хватит. «В основе вашего мира лежит Благо. Вы можете разрешать его или не разрешать, но Благо — основа всего. Закон Притяжения гласит: подобное притягивает подобное. И таким образом в вашем опыте разворачивается суть того, на что вы направляете внимание. Поэтому не существует ничего, чем бы вы не могли стать, чего не могли бы сделать и чем не смогли бы обладать. Таков закон»⁶.

⁶ Хикс, Э. Выражайте свои желания. 365 способов сделать свою мечту реальностью / Э. Хикс, Д. Хикс. — СПб. — 2009. — С. 112.

Вселенная описана в этой концепции мира как вибрационная, в ней действует принцип «подобное притягивает подобное», поэтому культивируя положительные эмоции, направленные на желаемое, индивид автоматически это желаемое получает. Человек предстает в «психо-магическом» подходе не как иллюзия и даже не как просто реальный агент, ведомый кармическими последствиями, но как самостоятельный и сознательный создатель своего счастья: «Вы — Сознание. Вы — Энергия. Вы — вибрация. Вы — Электричество. Вы — Источник Энергии. Вы — Творец...»⁷ В описываемом духовном направлении в отличие от других парарелигиозных (да и, собственно, религиозных) направлений культивируются желания, которые не считаются ни грешными, ни низменными, ни эгоистическими. Хорошее отношение к другим людям полагается здесь как аксиома и предпосылка, и, поскольку на всех всего хватит, отнять ни у кого ничего нельзя. Как говорится, «желайте на здоровье!». В подобном подходе явно слышатся отзвуки каббалистической идеи о том, что «Бог создал сефиры, чтобы насладить их», хотя учение Абрахам ничего нам не говорит о мистическом порыве возвращения к Айн-соф. Оно полностью сконцентрировано на посюстороннем, и Высшее предстает здесь прежде всего как источник обычного человеческого счастья и радости. Это учение можно квалифицировать как оптимистическое и гуманное, хотя и во многом утопическое. Когда читаешь Хиксов, которые пишут, что главное — «получить контроль над тем, что вы испытываете», понимаешь, что авторы, конечно же, не гарантируют своему читателю реального обретения взыскуемых благ, но зато они убеждают его радоваться всему, что у него есть, и постоянно воспроизводить в себе позитивное отношение к реальности: как к наличной, так и к возможной. А это само по себе весьма ценно.

Таким образом, можно подчеркнуть, что три описанные тенденции духовной жизни четко различаются по степени своей «трансцендентности» — они апеллируют к разным уровням бытия и по-разному оценивают личность человека и тенденцию к душевной и практической активности.

Парарелигиозные тренды, характерные для современного мира, интересны и разнообразны, они влияют на жизнь миллионов людей и должны быть предметом вдумчивого философско-религиоведческого анализа.

⁷ Хикс, Э. Выражайте свои желания. 365 способов сделать свою мечту реальностью / Э. Хикс, Д. Хикс. — СПб. — 2009. — С. 46.